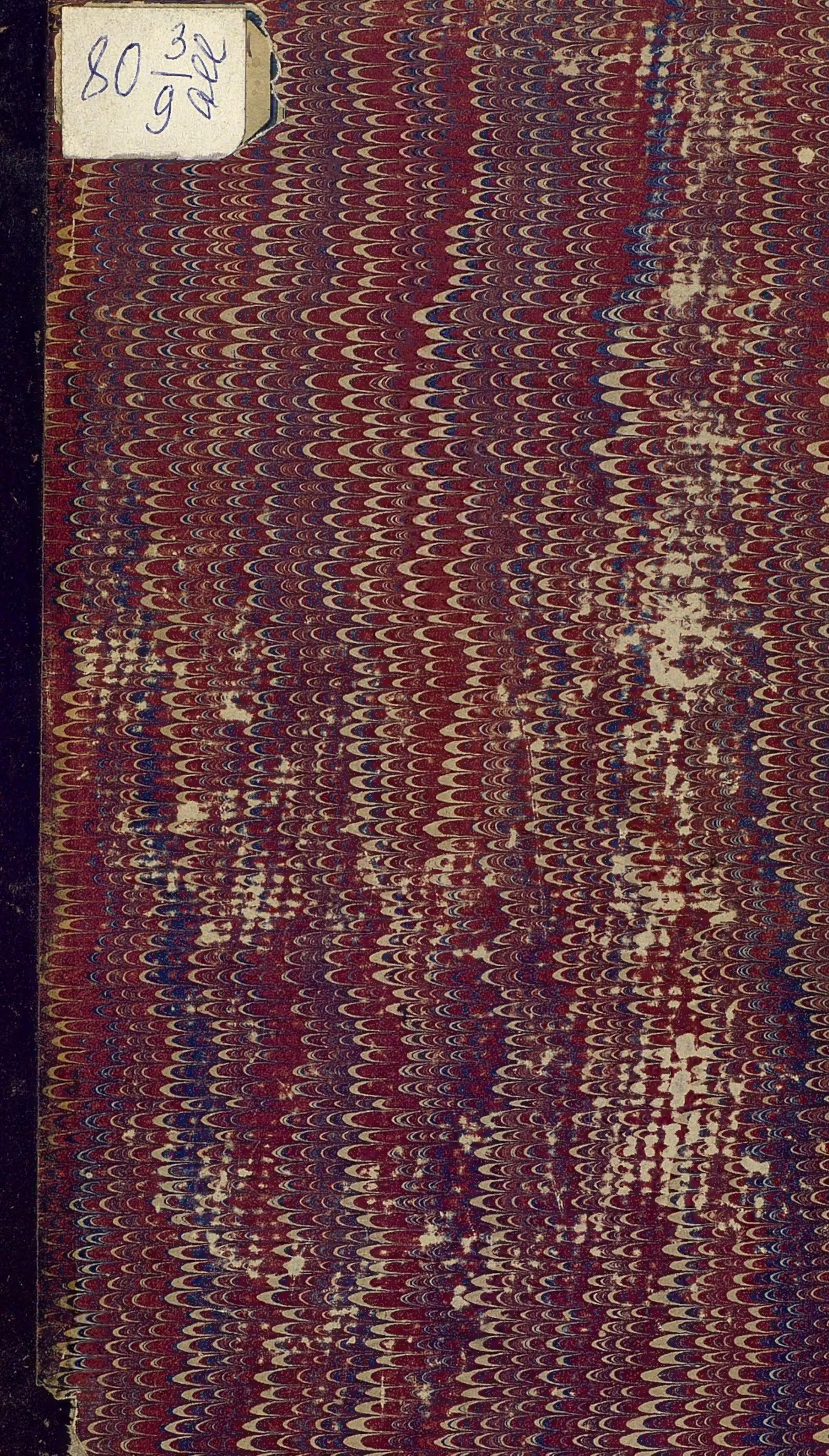

80 3/9 alℓ

-10-

МѢСТНИЧЕСТВО И РАЗРЯДЫ.

М. Д. Хмырова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1862.

Одобрено цензурою. С. Петербургъ. 20 Ноября 1862 года.

Въ типографіи В. Спиридонова и К°.

МѢСТНИЧЕСТВО И РАЗРЯДЫ

. . . . Болярѣ же своихъ и болярынь и всѣхъ вельможъ жалуйте и брегите по ихъ отечьству...

Изъ поученія митр. Макарія Ивану IV и Анастасіи въ 1547 году.

. . . К. Татевъ билъ челомъ на Басманова и говорилъ по вашему царскому уложенью передовой полкъ да сторожевой полкъ равны, а передовой полкъ кабы почестнѣе, а П. Басмановъ тебѣ, государю, не служивалъ; а я, холопъ твой служу тебѣ не топерьво, мнѣ Петра быть безчестея не вмѣсно...

Изъ Разрядныхъ XVI XVII в.

Благодаря послѣднимъ выводамъ новѣйшей науки отечественной исторіи, нельзя, кажется, сомнѣваться, что начало русскаго мѣстничества, со всѣми понятіями, воззрѣніями и отношеніями его слѣдуетъ отыскивать въ сферѣ родовой стихіи, замыкавшей собою первоначальный бытъ нашихъ предковъ, русскихъ Славянъ. Дѣйствительно, старшій въ родѣ, почитаясь въ древне - славянскомъ быту за человѣка, преимущественно исполненнаго опытности и благоразумія, не только безусловно первенствовалъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда родъ

*

его доводилось, на ряду со всѣми другими родам, нести какую нибудь общественную службу; но даже самое уваженіе и почетъ, лично ему принадлежавшіе, сообщалъ родичамъ своимъ соразмѣрн той степени, въ какой каждый изъ нихъ отстоялъ отъ него, общаго главы и родоначальника. Само собою разумѣется, что такое представительство старшихъ въ родѣ и необходимо вытекавшая отсюда преемственность правъ на уваженіе и почетъ, исключали всякую идею личности самостоятельной, а потому, способные всецѣло существовать только въ періодѣ первоначальнаго устройства славянскаго общества, долженствовали нарушиться или по-крайней-мѣрѣ, видоизмѣниться съ развитіемъ другихъ отношеній, которыми естественно характеризуется переходъ какого-бы то ни было общества изъ одного быта въ другой. У русскихъ Славянъ этотъ переходъ выразился внесеніемъ въ ихъ жизнь началъ дружинныхъ, которыя, разлившись по всей средневѣковой Европѣ встрѣтили на западѣ распорядокъ римской имперіи, а на востокѣ или въ нынѣшней Россіи, столкнулись съ формами родоваго быта — и первымъ результатомъ такого столкновенія явилосьименно мѣстничество. (1) т, е

(1) «О Мѣстничествѣ», статья Соловьева, въ Московскомъ литературномъ и ученомъ Сборникѣ, изд. 1847 г.

постоянная борьба родовыхъ преданій съ принципами устройства государственаго. Происхожденіе и существованіе подобной борьбы объясняется тѣмъ, что вождь дружины, или князь, скоро подчинившійся вліянію родоваго быта славянскихъ племенъ, добровольно избравшихъ его своимъ главою, хотя и сталъ родоначальникомъ цѣлаго владѣтельнаго рода, взаимно связаннаго отношеніями чисто родовыми, но, удержавъ за собою прежній характеръ дружиннаго начальника, продолжалъ свободно пользоваться правомъ раздачи служебныхъ мѣстъ своимъ дружинникамъ, отчего, конечно, страдало самолюбіе туземцевъ, съ родовыми понятіями которыхъ, неразумѣвшими отдѣльныхъ личностей и принимавшими униженіе каждаго родича за безчестіе цѣлому роду, вовсе не мирилась подчиненность новымъ пришельцамъ. Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей, князь скоро почувствовалъ необхо. димость руководиться, въ извѣстныхъ случаяхъ, нѣкоторою разборчивостію, и тѣмъ или другимъ служебнымъ назначеніемъ не оскорблять, по-крайней-мѣрѣ, родовитѣйшихъ изъ своихъ подданныхъ, которые, въ свою очередь, всячески старались напоминать князю о своей родовитости и тѣмъ упрочивать за собою и своимъ родомъ виднѣйшія службы. Въ этомъ соглашеніи новыхъ правъ пришлаго князя съ давнимъ обычаевъ туземнаго на-

рода, нельзя на видѣть зачатковъ русскаго мѣстничества, которое, какъ плодъ слiянiя началъ дружиннаго и родоваго, не переставало существовать на Руси до самаго искорененiя и забвенiя этихъ началъ и постепенно охватывая собоюв сѣ фазы послѣдовательнаго образованiя государства, т. е. сферы правительственную, военачальственную придворную не только глубоко проникло во всѣ слои обширнаго сословiя служилыхъ людей, но даже долгое время оставалось единственнымъ выраженiемъ понятiй о чести, доступныхъ древнему русскому человѣку. Не смотря на такую важную роль мѣстничества въ древней русской исторiи, характеристика, формы и обряды его обслѣдованы до-сихъ-поръ весьма недостаточно и своевременная наука знакома съ нимъ только издали, что даетъ поводъ значительному большинству видѣть въ мѣстничествѣ — не болѣе, какъ одно изъ самыхъ уродливыхъ проявленiй древне-русской жизни. Но, независимо отъ кажущейся уродливости нѣкоторыхъ мѣстническихъ случаевъ, всѣ они были вѣрны одной и той же сно сознанной идеѣ охраненiя родовой чести, — идеѣ почтенной, въ томъ смыслѣ, что она, за отсутствiемъ личности и всѣхъ другихъ представленiй о чести, все-таки способствовала возбужденiю чего-то похожаго на благородное соревнованiе, и если не всегда поставляла въ выгодномъ свѣтѣ

самихъ соревнователей, то, съ одной стороны, не переставала блюсти родное преданіе, чѣмъ незамѣтно поддерживалась русская народность, а съ другой—постоянно напоминала преемникамъ пришлыхъ князей о древнихъ правахъ представителей народа, чѣмъ, конечно, сколько нибудь да обуздывался княжескій произволъ. И хотя съ расширеніемъ этого произвола, обусловливавшимся ходомъ историческихъ обстоятельствъ, расширялась, повидимому, и самая сфера мѣстничества, но на самомъ дѣлѣ оно, къ ущербу первоначальнаго духа своего, только систематизировалось, т. е. болѣе и болѣе вдвигалось въ извѣстную раму отношеній, такъ или иначе опредѣленныхъ и объясненныхъ, въ которой утрачивая мало-по-малу присущую ему внутреннюю силу, остановилось подъ-конецъ на однихъ безжизненныхъ, чисто условныхъ формахъ, Такъ, напримѣръ, въ періодѣ удѣловъ, служащемъ, можетъ быть, очевиднѣйшимъ образчикомъ преобладанія мѣстническихъ понятій даже между князьями, самая идея великокняженія, основываясь единственно на старшинствѣ и развѣтвленіи родственномъ, была не болѣе какъ нравственнымъ средоточіемъ удѣльныхъ правителей, которые, имѣя у себя собственные дворы, а за себя выраженія договорныхъ грамать: «а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ вольнымъ воля»; «а судомъ и

данью потянуть по удѣломъ гдѣ кто живетъ» ([2]) обязывались матеріально только взаимною защитою собственныхъ владѣній, составлявшихъ въ совокупности цѣлое Россіи; во дни же Ивана III, усвоившаго себѣ, послѣ брака съ гречес кою царевною тенденціи чисто монархическія, а своему двору византійскій этикетъ, та же самая идея великокняженія приняла совершенно другой характеръ, и, вмѣсто нравственнаго средоточія развѣтвленныхъ родовъ, сдѣлалась центромъ власти совершенно матеріальной, центромъ, къ которому принудительно тяготѣли потомки удѣльныхъ правителей, уже превращенные — за распаденіемъ собственныхъ дворовъ — въ вельможъ московскаго государя и обязанные, наравнѣ съ другими, личною службою, по назначенію Разряда, гдѣ разбирались также всѣ споры ихъ о родовомъ старшинствѣ, потерявшемъ отнынѣ прежній, дѣйствительный смыслъ. Что въ продолженіе удѣльнаго періода мѣстничество было источникомъ споровъ между знатнѣйшими родами, точно также какъ усобицъ между князьями, это доказывается слѣдующимъ историческимъ извѣстіемъ: бояринъ Акинѳъ Гавриловичъ, не захотѣвъ быть *въ меньшихъ* съ Родіономъ Несторовичемъ,

---

([2]) Опытъ исторіи русскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, соч. Рейца, изд. 1836 г., стр. 107.

пріѣхавшимъ въ Москву изъ Кіева и получившимъ отъ В. К. Калиты большинство надъ всѣми боярами, отбѣжалъ съ дѣтьми и внуками въ Тверь; а въ 1337 г., во время войны съ Тверью, былъ убитъ тѣмъ же Родіономъ, который, представляя голову его Калитѣ, говорилъ: се, господине, твоего измѣнника, а моего мѣстника глава» (3). Другое доказательство того же самаго, а также существованія мѣстничества не въ одной Москвѣ, находится въ мѣстническомъ дѣлѣ, веденномъ въ 1576 г. окольничими Вас. Зюзинымъ и Ѳед. Нагимъ, изъ которыхъ первый, на основаніи своей родословной, гдѣ значилось, что: «пріѣхавъ исъ Чернигова во Тверь Борисъ Ѳедоровичъ, прозвищо ему было Половой; а былъ во Твери бояринъ; у Бориса сынъ Ѳедоръ и тотъ во Твери Бояринъ же былъ, у Ѳедора сынъ Михайло Шетенъ; а во Твери былъ тысяцкой, у Михайла сынъ Константинъ Шетневъ, а во Твери былъ тысяцкой же. А у Константина дѣтей: Иванъ Шетневъ, тотъ былъ во Твери тысяцкой же, а другой сынъ у Константина Михайло Гнездовской. У Ивана у Шетнева дѣтей: Ондрей Зуза, прадѣдъ мой, да Ѳеонасій Щетневъ» и т. д., самую челобитную заключалъ такъ: «Ми-

---

(3) Исторія Государства Россійскаго, соч. Карамзина, изд. 5-е, т. IV стр. 149.

лостивый государь, покажи милость, пощади холона своего, *ни дѣдъ не прадѣдъ мой во Твери меньше дѣда и прадѣда Өедорова ни коли не бывалъ;* сыщи, государь, милосердіемъ своимъ, какъ тебѣ государю Богъ извѣститъ, а во всемъ воленъ Богъ, да ты государь, какъ велишь холопу своему; надежда вся на Бога, да на тебя на государя. Милостивый государь, покажи милость, смилуйся» ([1])! Но какимъ именно путемъ развивалось русское мѣстничество до временъ Ивана III — услѣдить трудно, потому что древнѣйшій изъ найденныхъ до сихъ-поръ мѣстническихъ актовъ, именно правая грамата Сабурову о старшинствѣ его передъ Заболоцкимъ, открытая въ 1857 г., относится не далѣе, какъ къ XV в. Достовѣрно одно, что исконною внѣшнею формою или видимымъ выраженіемъ этого мѣстничества былъ естественный нумерическій порядокъ размѣщенія лицъ за столомъ или вообще на лавкѣ, соединявшій съ каждою изъ своихъ нумерическихъ единицъ, т. е. съ каждымъ *мѣстомъ*, извѣстное значеніе—не только при дворѣ государевомъ и въ случаяхъ офиціальныхъ, но даже въ простомъ семейномъ быту. По-крайнеймѣрѣ, «Память Геннадія Бутурлина до Михайло

([1]) Русскій историческій сборникъ, изд. Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ, 1842, т. V, дѣло I

Борисовича», современная Ивану III и объясняющая мѣстническіе счеты при Дмитріи Донскомъ, только и говоритъ о томъ, кто подъ кѣмъ *сидѣлъ*, да кто кому *мѣста* не далъ ([5]). Слѣдовательно, образованіе мѣстничества въ томъ смыслѣ, какъ понимается оно теперь, т. е. въ смыслѣ формализма, нерѣдко смѣшнаго, часто вреднаго и всегда мертваго, принадлежитъ тому времени, когда на Руси установилось единодержавіе, съ утвержденіемъ котораго всѣ разновидныя русскія власти, парализованныя одна за другою, унаслѣдовались московскимъ государемъ, а всѣ представители отжившихъ родовыхъ притязаній, принужденные довольствоваться пустымъ титуломъ и почетомъ при московскомъ дворѣ или на службахъ московскому властителю, старались, гдѣ можно, доказывать всѣмъ и каждому права свои, по-крайней-мѣрѣ на этотъ почетъ, т. е. на занятіе высшихъ служебныхъ *мѣстъ*, что, естественнымъ образомъ сопровождалось спорами, или на языкѣ мѣстничества, *родовыми счетами*. Съ увеличеніемъ, при Иванѣ III, числа придворныхъ чиновъ и учрежденіемъ при немъ же Разряднаго Приказа ([6]), вѣдавшаго вну-

---

([5]) «Память Геннадія Бутурлина» напечатана въ I кн. Москвитянина за 1843 г. и въ изд. Погодина «Историко-критическіе отрывки», 1846, стр. 219.

([6]) Хотя первыя точныя извѣстія о существованіи Разряд-

треннее образованіе войска, распредѣленіе по полкамъ воеводъ и всю вообще служебную іерархію того времени, увеличилась и сфера мѣстническихъ споровъ, обѣ стороны которыхъ, родовая или *лѣствицею*, и разрядная, воплотились одна въ другую и окончательно спутались. Иначе, конечно, не могло и быть, потому что государственная служба, тѣсно соединивъ съ собою всѣ прежнія родовыя отношенія, сдѣлалась, со времени единодержавія, главнѣйшимъ выраженіемъ общественной жизни и дѣятельности, понуждавшимъ *родословныхъ людей*, т. е. потомковъ изстари значившихъ и служившихъ предковъ, основывать мѣстническія требованія свои не преимущественно на преданіяхъ о родовомъ старшинствѣ. какъ бывало до-сихъ-поръ, а также на должностяхъ и отличіяхъ служебныхъ, отсутствіе которыхъ, т. е. неупоминаніе извѣстнаго рода, хотя бы древняго, въ разрядныхъ книгахъ, приводило его къ *захуданію*, или постепенному удаленію изъ вида правительства, а недостаточная почетность мѣстъ, занимаемыхъ родичами, могла совершенно *затереть* тотъ же родъ, т. е. невозвратно лишить его мѣстническаго старшинства. Но такъ какъ члены *захудав-*

наго приказа относятся къ 1535 г., но учрежденіе его несомнѣнно принадлежитъ Ивану III. См. Управленіе въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго, К. Неволина, въ февраль. кн. Журн. Мин. Нар. Просв. 1844 г.

шаго рода всегда могли вступленіемъ своимъ на службу, т. е. запискою въ разряды, напомнить о себѣ правительству и, достигнувъ высшихъ служебныхъ мѣстъ, возвратить своему роду прежнее представительство, а *потерка*, пріобрѣтенная родичами собственно на службѣ, уже не заглаживалась ни чѣмъ, то можно сказать, что служебныя отношенія играли въ родовыхъ счетахъ едвали не виднѣйшую — и, слѣдовательно, важнѣйшую — роль, чѣмъ отношенія собственно родовыя. Это очевидно доказывается обстоятельствами спора за мѣста, возникшаго на свадьбѣ царевича Михаила Кайбулича, въ 1693 г., между родичами Василіемъ и Ѳедоромъ Бутурлиными, и рѣшеннаго такъ: «билъ челомъ на тебя (Ѳедора) Василій Бутурлинъ и подавалъ роду своему *лѣствицу*. А ты, окольничій Ѳедоръ, подавалъ *случай* и *разряды*. И то *въ разрядѣ* сыскано, что Ѳедоровы дѣды и дядья и братья были *больше* дѣдовъ вашихъ (Василіевыхъ) и дядей и братей, и предъ вами Новгородцами, вездѣ *честнѣе*. А тебѣ Василью *меньши* Ѳедора *быть мочно*» (7). Дѣйствительно, родовыя отношенія, съ теченіемъ времени, не только видоизмѣнялись отъ самаго развѣтвленія родовъ и обыкновеннаго въ то

(7) Древняя Россійская Вивліоѳика, Новикова, изд 2-е ч. XIII стр 129.

время принятія ченами одного и того же рода различныхъ фамильныхъ прозвищъ, но даже нерѣдко забывались вовсе, между тѣмъ, какъ Разрядныя книги велись постоянно и, мало-по-малу, становились главнѣйшимъ руководствомъ для опредѣленія бо̀льшихъ или мѐньшихъ правъ извѣстнаго рода на ту или другую степень мѣстническаго старшинства. Боязнь допустить уменьшеніе этихъ правъ случайною *потеркою* котораго нибудь изъ родичей была до того сильна, что заставляла родословныхъ людей, не бывшихъ лично причиною такой потерки, все-таки ходатайствовать передъ правительствомъ о несчитаніи такого-то случая *порухою* всему роду ихъ. Изъ множества подобныхъ ходатайствъ особенно замѣчательны два слѣдующія: 1) въ 1598 г. «билъ челомъ государю и великому князю Ѳед. Ноготковъ во всехъ Оболенскихъ князей мѣсто: вынѣшнемъ году былъ вправой рукѣ втретьихъ Ив. Вас. Ситцкой, а впередовомъ полку втретьихъ кн. Олександръ Ондр. Репнинъ Оболенской. Алекс. Репнинъ, дружась со кн. Ив. Ситскимъ, угожалъ Ѳед. Никитину Романову, потому что они межъ себя братья і великие други, да по росписи былъ на государеве службе менши кн. Ив. Ситцкова, *и не билъ челомъ в отечествѣ*. А умышлялъ Репнину, Ѳед. Романовъ, чтобъ ему не бить челомъ, для тово, чтобъ тѣмъ ево воровскимъ нечелобитьемъ, *поруха и укоръ учи-*

нить в отечестве, отъ Ѳед. Романова и отъ иныхъ чюжихъ родовъ, всему ихъ роду Оболенскимъ княземъ. И государь бы велѣлъ ихъ то челобитье записать, чтобъ всемъ ихъ роду Оболенскимъ *вотечествѣ порухи и укору не было* отъ чюжихъ родовъ, темъ кн. Алекс. Репнинымъ *воровскимъ нечелобитьемъ*. И сосударь пожаловалъ велѣлъ челобитье въ разрядъ записать; что кн. Алекс. Репнинъ кн. Ивану виноватъ одинъ, а роду его всемъ кн. Оболенскимъ в томъ *порухи в отечествѣ нѣтъ никому»* ([8]). 2) въ 1670 г. пятеро Волынскихъ съобща писали такъ: «Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, бьютъ челомъ холопи твои, Васька, да Мишка, да Артюшка, да Ивашка, да Янька Волынскіе. По вашей государской милости ближніе родители предковъ нашихъ были въ боярѣхъ и въ окольничихъ и въ иныхъ честныхъ чинѣхъ, и на вашихъ великихъ государей службахъ въ полкахъ въ воеводахъ, и у иныхъ дѣлъ служили вамъ великимъ государемъ, господами своими и своею братьею вмѣстѣ. А которые, Государь! роду нашего Волынскіе, отъ насъ въ родѣ нашемъ разошлися съ нами по далеку, и по лѣствицѣ передъ нами холопи твоими

([8]) Изслѣдованіе о мѣстничествѣ, изд. Д. В., 1845 г., стр. 150 - 151.

малы, и за бѣдностію своею и дуростію, и закоснѣніемъ, *не помня своей породы, и по вашимъ государевымъ Розрядомъ, не зная чести своей, какія потерки отечеству своему учинили, и впредь какую потерку учинятъ,* Милосердый Государь, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ! пожалуй насъ холопей твоихъ безмѣстныхъ, призри своею государскою милостію на насъ холопей твоихъ, не дай, Государь! намъ вѣчно въ позорѣ и въ укоризнѣ и въ безчестіи отъ такихъ послѣднихъ роду нашего, отъ дальныхъ отъ насъ сродниковъ, *потеркою быть;* и вели, Государь! по своему государскому милостивому разсмотрѣнію, челобитье наше въ Розрядѣ написать въ книгу, чтобъ родителямъ нашимъ и намъ холопямъ твоимъ, отъ иныхъ родовъ въ вѣчномъ попрекѣ и въ позорѣ не быть, Государь Царь смилуйся!» И государь пожаловалъ, велѣлъ челобитье ихъ записать» (⁹). Убѣжденія Ноготкова и Волынскихъ раздѣлялись, конечно, всѣми родословными людьми, — и родословный человѣкъ, равнодушный, можетъ быть къ случаямъ, не подлежавшимъ разрядной запискѣ, — напримѣръ, когда *заѣзжалъ* его, т. е. превышалъ застольнымъ почетомъ при дворѣ, какой нибудь

(⁹) Др. Рос. Вивліоѳ. т. XVI, стр. 417.

«мужъ честенъ изъ нѣмецъ», — не оставлялъ торжественно протестовать противъ назначенія Разрядомъ высшей должности лицу, младшему его родомъ, причемъ, упорно стоя на томъ, что ему родословному человѣку, *невмѣстно* служить съ такимъ-то, не только предъявлялъ Разряду и самому государю доказательства своихъ прирожденныхъ правъ на ту же должность,—доказательства, всегда обнаруживавшія въ истцѣ-мѣстникѣ весьма хорошія свѣдѣнія о службахъ отдаленнѣйшихъ изъ его предковъ—но даже, выигрывалось дѣло или нѣтъ, просилъ самое рѣшеніе внести, для справокъ и соображенія впредь, въ тѣ же Разрядныя книги, что и называлось *случаемъ*. Записка подобныхъ *случаевъ*, примѣры которой восходятъ ко второй половинѣ XV вѣка, конечно, не составляла сущности Разрядныхъ книгъ, имѣвшихъ, какъ мы видѣли, другое, болѣе обширное назначеніе; но, для родословныхъ людей она оставалась надежною охраною отъ всякой *порухи*, т. е. приниженія родовой чести безмолвнымъ согласіемъ потомка занять мѣсто, которымъ пренебрегали его предки. Потому то родословный человѣкъ, всегда старавшійся быть *знаткомъ въ своей верстѣ*, т. е. свѣдущимъ по части своего и чужихъ родословій, больше всего хлопоталъ о томъ, чтобы не дать *утянуть* себя, т. е. обойти, младшими родичами, для чего зор-

ко слѣдилъ за всѣми разрядными назначеніями, и домогаясь занять мѣсто *въ свою мѣру* или, другими словами, стать на одну и ту же служебную степень съ людьми себѣ *въ версту, глазъ въ глазъ*, т. е. совершенно равными, требовалъ нерѣдко, чтобы его *развели* съ такимъ-то и дали ему *отводную память*; въ противномъ же случаѣ, скорѣе соглашался подвергнуться опалѣ, ссылкѣ, даже идти подъ кнутъ, нежели служить подъ начальствомъ такого товарища, дѣду или отцу котораго не довелось начальствовать его отцомъ или дѣдомъ. Такое возрѣніе на родовую честь было въ то время тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что поддерживалось даже самимъ правительствомъ, которое, съ одной стороны, участвовало своимъ рѣшеніемъ въ процедурахъ по родовымъ счетамъ, а съ другой—строго наблюдало, чтобы назначаемыя къ должностямъ лица находились между собою въ тѣхъ же служебно-іерархическихъ отношеніяхъ, какъ бывали ихъ предки, по-крайней-мѣрѣ, не ниже, — и если, при нарушеніи этого правила, не давало суда обиженному, то не давало его *въ наказаніе* за какой нибудь проступокъ.

Попавъ, такимъ образомъ, въ разрядныя путы, изобрѣтенныя дальновидною политикою московскихъ властителей, мѣстничество осталось въ нихъ навсегда и сдѣлалось предтечею позднѣйшей табели

о рангахъ; а сами мѣстники, забывъ первоначальный характеръ родовыхъ претензій своихъ, сосредоточились исключительно на стяжаніи служебно-іерархическихъ степеней и, въ этомъ случаѣ, оказались вполнѣ зависимыми, если не отъ Разрядной росписи, то отъ воли государя, которая, съ первыхъ же временъ разряднаго мѣстничества, не замедлила вліятельно вмѣшаться въ родовые счеты мѣстниковъ. Такъ Иванъ III, уже въ 1500 г., успѣлъ получить челобитье боярина Юрія Захарьевича, съ заявленіемъ, что ему, боярину, по случаю назначенія кн. Даніила Щени воеводою Большаго полка, «въ Сторожевомъ полку быти не мочно, *то мнѣ стеречи князя Данила»*, — и тогда же порѣшилъ это дѣло, написавъ къ разобиженному мѣстнику: «Гораздо ль такъ чинишь, говоришь всторожевомъ полку быти тебѣ не пригожь стеречь князя Данилова полку, ино тебѣ стеречь не кн. Данила, стеречи тебѣ меня и моего дѣла, а каковы воеводы въ большомъ полку, таковы чинятъ и всторожевомъ полку ино не соромъ тебѣ въ сторожевомъ полку быти» ([10]). И хотя воля преемниковъ Ивана III выражалась въ большей части случаевъ, наказомъ: «служить безъ мѣстъ а какъ служба минетца и счетъ будетъ данъ» — тѣмъ не менѣе мѣстники

([10]) Ист. Гос. Рос. т. VI. пр. 489.—Изслѣд. о Мѣстн. с. 68

*

не переставали при каждомъ назначенiи взывать въ своихъ челобитныхъ: «не вели государь у насъ нашева отечества отняти безъ суда и безъ сыску» ([11]). Производство этихъ суда и сыска, разомъ обнимавшее иногда группу лицъ въ сорокъ и болѣе, бывало обыкновенно тѣмъ сложнѣе и, такъ сказать, дробнѣе, что основанiемъ ему служилъ совершенно своеобразный мѣстническiй кодексъ, составленный рядомъ случаевъ, пущенный въ ходъ единственно обычаемъ, мало объясненный самымъ теченiемъ времени, и въ добавокъ, спутанный совмѣстнымъ присутствiемъ элементовъ *родоваго* и *служебнаго*. Стало быть, нѣтъ ничего мудренаго, если царь Грозный, охотникъ до историческихъ розысканiй и критики вообще, бралъ иногда на себя трудъ разбирать челобитныя мѣстниковъ, самъ выводилъ ихъ поколѣнныя росписи, вычислялъ службы ихъ предковъ, судилъ, рядилъ и, нерѣдко, самъ же выдумывалъ новое замысловатое служебное отношенiе, по которому, конечно, приказывалъ рѣшать дѣло ([12]).

Но при всей неясности мѣстническаго кодекса, въ немъ все-таки можно усмотрѣть извѣстныя нормы родоваго и разряднаго счета, отъ которыхъ, ка-

---

([11]) Рус. Ист. Сб. II, с. 214.
([12]) Тамъ ж дѣло I.

жется, не отступала мѣстничавшаяся Россія. Къ такимъ нормамъ, по отдѣлу родоваго старшинства принадлежатъ, наприм., слѣдующія: первый сынъ всегда ниже своего отца «тремя мѣсты», второй— четырьмя, и т. д.; братъ превышаетъ ближайшаго къ себѣ брата однимъ мѣстомъ, слѣдующаго за нимъ двумя мѣстами, и т. д.; племянникъ уступаетъ дядѣ, старшему брату отца, столько мѣстъ, на сколько самъ отстоитъ отъ своего отца и на сколько отецъ его отстоитъ отъ этого дяди, при, чемъ перваго брата сынъ числится четвертому дядѣ *въ версту*, т. е. признается равнымъ; всѣ лица, находящіяся въ одной степени родовой лѣствицы, или въ одномъ и томъ же колѣнѣ отъ общаго родоначальника, безразлично именуются *братьями*, а всѣ тѣ, которыя, по отношенію къ нимъ, состоятъ въ степеняхъ нижайшихъ, какъ бы далеко ни разошлись эти степени, доводятся первымъ *племянниками*; своеродцы, раздѣлившіеся отъ времени на разнофамильныя вѣтви, оставляютъ прежній счетъ между собою по родовой лѣствицѣ и употреблютъ другой, который формулируютъ выраженіемъ *каковъ малъ или великъ* такой-то изъ нихъ *къ чужему роду*; наконецъ, сплошь и рядомъ случается, что «отъ большаго брата колѣно пойдетъ, а въ розрядѣхъ малы и худы будутъ, а отъ меньшова брата колѣно пойдетъ, а въ розрядѣ велики жи-

вутъ, и тѣ худые съ добрыми по родословцу лѣсвицею не тяжутся, а тяжутца по случаѣмъ розряды» ([13]). Что касается нормальныхъ положеній относительно мѣстническаго старшинства по разряду, точкою ихъ отправленія можно принять счетъ между *первыми* и *вторыми* воеводами (третьи назначались рѣдко) древнихъ русскихъ полковъ: Большаго, Передоваго, Сторожеваго, Правой и Лѣвой руки, — счетъ, наглядно представляемый слѣдующею таблицею:

Первые воеводы.				*Вторые воеводы.*			
Бол.	Пол.	Пр. р.	Пер. и Ст.	Лѣв. р.	Бол.	Пол.	Пр. р. Пер. и Ст. Лѣв. р.
0	— 1	— 2	— 3	—4	—5	—6	—7
1	0	— 1	— 2	—3	—4	—5	—6
2	1	0	— 1	—2	—3	—4	—5
3	2	1	0	—1	—2	—3	—4
4	3	2	1	0	—1	—2	—3
5	4	3	2	1	0	—1	—2
6	5	4	3	2	1	0	—1
7	6	5	4	3	2	1	0

Принявъ одинъ изъ нулей таблицы за воеводу, старшинство котораго желаемъ узнать, цифры вправо отъ нуля, обозначенныя минусомъ, пока-

---

([13]) Тамъ же, с. 269.

жутъ сколькими мѣстами *меньше*, а цифры влѣво отъ нуля, ничѣмъ не обозначенныя, — сколькими мѣстами *больше* этотъ воевода каждаго изъ другихъ воеводъ ([14]). Дальнѣйшій расчетъ мѣстническаго старшинства между различными степенями древней служебной іерархіи не уясненъ еще надлежащимъ образомъ и все, что знаемъ мы о немъ изъ дошедшихъ до насъ мѣстническихъ актовъ, ограничивается свѣдѣніями отрывочными, въ родѣ слѣдующихъ: окольничіе, отправляемые государемъ на службу въ разные сроки одного и того же года, считались между собою *по порядку отпусковъ* своихъ изъ Москвы; городничіе, нерѣдко получавшіе это званіе въ знакъ опалы, не мѣстничались даже съ *пятыми* и *шестыми* воеводами, не говоря уже *о первыхъ* и *вторыхъ*; изъ чиновниковъ, носившихъ за государемъ его оружіе, наряжаемый ко второму саадаку, числился однимъ мѣстомъ *ниже* наряжаемаго къ копью и однимъ же мѣстомъ *выше* находившагося у сулицы, съ замѣчаніемъ однако, что «въ томъ разрядѣ меньшинства не бываетъ: въ томъ воленъ Богъ да государь во что ни поставитъ» ([15]); объѣзжіе головы считались *меньше* всѣхъ *меньшихъ* головъ, при чемъ «которой ѣздитъ бе-

([14]) Изслѣд. о мѣстн. с. 50.
([15]) Рус. Ист. Сб. с. 159.

речь отъ Неглинной до Чертольскихъ (Пречистенскихъ) воротъ, больше того, кто ѣздитъ за городомъ, а тотъ того меньше, кто ѣздитъ отъ Яузкихъ воротъ по Неглинную, а тотъ меньше того, кой ѣздитъ въ Китаѣ городѣ; а кто ѣздитъ въ Китаѣ, тотъ меньше того, кой ѣздитъ въ большомъ городѣ... За Явузою со 107 году хто ни ѣздитъ, тотъ всѣхъ меньше объѣзжихъ головъ» ([16]); служба противъ татаръ унижала служившаго; служба съ Москвы первенствовала передъ службою съ городовъ, и т. д. Впрочемъ, такъ или иначе слѣдовали одна за другою степени разрядной іерархіи, каждая изъ нихъ находилась всегда въ строгомъ соотвѣтствіи съ родовою честію служащаго, мѣстническія прва котораго не нарушались даже въ случаѣ объявленія ему государевой опалы, что видно изъ слѣдующихъ словъ челобитной кн. Дм. Мих. Пожарскаго, поданной, въ 1609 г., по дѣлу съ кн. Лыковымъ: «а кои, по грѣху своему въ государевыхъ опалахъ наша братья всѣхъ родовъ, и какъ государева милость до нихъ возсіяетъ, и съ кѣмъ имъ *случей* будетъ въ отечествѣ, и они бьютъ челомъ государю, и тяжутся по своей лѣствицѣ *своими родители*, которые бывали въ розрядехъ» ([17]).

---

(16) Тамъ же, с. 354.

(17) Тамъ же, с. 309.

Весь этотъ распорядокъ русскаго разрядно-родоваго мѣстничества, конечно, не сложился разомъ и, еще вѣроятнѣе, не переставалъ складываться съ постепеннымъ расширеніемъ объема государственной службы въ Россіи. Слѣдовательно, сначала каждое царствованіе, а потомъ чуть не каждое десятилѣтіе внося новыя соображенія въ расчеты мѣстниковъ, необходимо долженствовали офиціально питать самое мѣстничество, которое поэтому не могло не развиваться, по-крайней-мѣрѣ, до своего офиціальнаго уничтоженія.

Такъ, дѣйствительно, и было. Выразившись при творцѣ Разрядовъ Иванѣ III, и благоразумномъ преемникѣ его, Василіѣ, всего на всего *осемью* дошедшими до насъ *случаями* ([18])—между прочимъ, повелѣніемъ, въ 1519 г. «учинить Бутурлина *осподиномъ* Воронцову» — мѣстничество, ласкаемое: малолѣтствомъ Ивана IV, не переставало съ 1536 г. представлять по 3—4 случая ежегодно, а въ 1541 г. даже помогло крымскому царевичу Иминю, воспользовавшемуся родовыми счетами воеводъ, князей Щенятева, Курлятева и Воротынскаго, увести богатый полонъ изъ Бѣлевскихъ и Одоевскихъ мѣстъ, почему въ 1550 году, двадцати-лѣтній Иванъ IV «приговорилъ съ Митрополиты и со всѣ-

---

([18]) 1477, 1493, 1496, 1500, 1502, 1503, 1519 г.

ми бояры, въ полкѣ быти княжатамъ и дѣтемъ боярскимъ съ воеводами *безъ мѣстъ*, ходити на всякіе дѣла со всѣми воеводами для вмѣщенія людемъ, и въ томъ отечеству ихъ униженія нѣтъ: которые будутъ впередь въ боярахъ или воеводахъ, и они считаются *по своему отечеству*. А воеводы въ полкѣхъ: большой полкъ, да правая рука, да лѣвая рука *по мѣстомъ;* а передовой полкъ, да сторожевой полкъ *меньши* однаго въ большомъ полку большаго воеводы: до правой руки и до лѣвой руки, и въ большомъ полку до другаго воеводы *дѣла нѣтъ:* съ тѣми *безъ мѣстъ*, кто съ кѣмъ въ одномъ полку посланъ, тотъ того и меньши. А воеводъ государь прибираетъ, разсужая ихъ отечество; и кто того дородится, то можетъ ратной обычай содержать» ([19]). Со всѣмъ тѣмъ, благодаря учрежденію опричины, спутавшей всѣ прежнія разрядныя отношенія, въ послѣднее двадцати-пятилѣтіе царствованія Ивана IV, т. е. отъ 1559 до 1584 г., по 95 челобитьямъ — въ томъ числѣ три за мѣста на седьмой свадьбѣ Грознаго, въ 1580 г.,—рѣшено до 60 мѣстническихъ *случаевъ*, изъ которыхъ есть, напримѣръ, такой: въ 1570 г., во время ливонской войны, царь приказалъ воеводамъ, взявъ

([19]) Судебникъ царя и великаго князя Ивана Васгльевича изд. 1768 г., см. указы дополнительные.

списки состоять по росписи, «но воеводы замшились и къ Кеси не пошли и царь, кручинясь, прислалъ къ нимъ съ Москвы посольскаго дьяка Андрея Щелкалова, а изъ слободы (вѣроятно Александровой, гнѣзда опричины) послалъ дворянина Салтыкова, и велѣлъ имъ иттить къ Кеси промышлять своимъ дѣломъ *мимо воеводъ*», вслѣдствіе чего произошло замѣшательство, войско потерпѣло совершенное пораженіе и потеряло весь нарядъ (артиллерію), «а иные воеводы тогды съ дѣла побѣжали, а товарищей своихъ бояръ и воеводъ выдали», и весь случай покончился тѣмъ, что «ко князю Мих. Хворостинину писано с опалою» ([20]). Остальные *случаи* этого царствованія разрѣшались, большею частію, въ такомъ родѣ: «оборонь государь по велѣлъ жаловалъ Ѳомѣ и дати Роману, учинити, велѣлъ кн. Дмитрея вкинуть втюрму на недѣлю, да доправити на князе Дмитрее Ѳомино безчестье противъ Ѳомина жалованья 150 рубл.»; а «Роману Бутурлину велѣлъ же оборонь учинити, велѣлъ кн. Дмитрея послати въ Новгородъ на подводахъ»; или въ 1581 г., «данъ Роману Бутурлину оборонь на кн. Ив. Туренина и Туренинъ посаженъ на 3 дни въ тюрьму»; или, наконецъ, въ 1583 г. «царь въ Новгородъ прислалъ

([20]) Изслѣд. о мѣстн. с. 33.

дворянина, а велѣлъ за то Салтыкова лаять, что билъ челомъ не по дѣлу и велѣлъ на немъ доправить за прогоны 30 рублей» ([21]). Оживленное замѣчательною снисходительностію Грознаго, вообще любившаго старые обычаи, мѣстничество еще замѣчательнѣе развилось при сынѣ его Ѳедорѣ Ивановичѣ, въ пятнадцатилѣтнее царствованіе котораго насчитывается отъ 118 до 132 мѣстническихъ споровъ, доходившихъ до того, что, напримѣръ, въ 1588 г, «на Угрешѣ въ монастырѣ царь пожаловалъ звалъ ѣсть къ себѣ Трубецкова да Куракина, и Куракинъ, не хотя сидѣть ниже Трубецкова не былъ, а билъ челомъ на Трубецкова» ([22]); въ 1589 г. «Дьякъ Дружина Петелинъ сказалъ князю Петру Борятинскому: велѣлъ тебѣ государь сказати: билъ ты челомъ на к. Володимера Долгорукова да на к. Луку Щербатаго, и тебѣ быти съ ними пригоже; да тыжь глупалъ, говорилъ про боярина про Ѳед. Вас. Шереметева и государь велѣлъ тебя за то въ тюрму посадить, и князь Петръ сидѣлъ въ тюрмѣ три дни, а на службу не поѣхалъ» ([23]); около того же времени «Захаръ Ляпуновъ (братъ знаменитаго Прокопія) съ службы

([21]) Тамъ же, с. 43

([22]) Тамъ же, с. 47.

([23]) Ист. Гос. Рос. X. пр. 456.

убѣжалъ не хотя быть станичнымъ головою» ([24]); а въ 1591 г., государь былъ вынужденъ, для прекращенія неурядицъ между воеводами, отозвать изъ шведскаго похода всѣхъ до одного Годуновыхъ. И не смотря на то, что мѣстничавшіеся бояре опровергали другъ друга уклончивою фразою «хоти будетъ, таковъ разрядъ и былъ, и та была государева воля, *в опричнинѣ*, въ томъ государь воленъ» или простою оговоркою »то дѣялось в опришнинѣ, и язъ тово не упомню» ([25]), ихъ мирили гораздо жестче, чѣмъ бывало при Грозномъ. Такъ, кн. Гвоздевъ «*безъ суда* битъ батоги» и *выданъ головою* кн. Одоевскому, т. е. предоставленъ полному распоряженію своего соперника, а кн. Борятинскій, обвиненный передъ кн. Долгорукимъ, сосланъ въ Сибирь. Смѣнивъ царевонье свое при жизни Ѳедора въ прямое царствованіе послѣ его смерти, Борисъ Годуновъ, котораго постоянно *оправлялъ* въ мѣстническихъ дѣлахъ царь Грозный и во всемъ слушался царь Ѳедоръ, почти немедленно по избраніи своемъ на престолъ «молылъ (молвилъ) Полеву: били мнѣ челомъ патріархъ Іевъ и весь соборъ и бояре и приказные люди и воеводы и дворяне всѣ, чтобъ язъ пожаловалъ велѣлъ бояромъ

([24]) Изслѣд. о мѣстн. с. 45.
([25]) Рус. Ист. Сб. II. с. 113. 116.

і воеводамъ і вамъ дворяномъ быти безмѣстъ на вашей службе. И ты почему такъ воруешь, мимо того всего нынѣ мнѣ бьешь челомъ. Да за то ц. и в. к. Бор. Ѳеод. велѣлъ Полева посадити в тюрму а ис тюрмы, велѣлъ к. Салтыкову послати головою» ([26]). За тѣмъ, въ силу эгоистическаго принципа *раздоромъ властвуй*, Борисъ не мѣшалъ боярскимъ родовымъ счетамъ и изъ всѣхъ 53 мѣстническихъ случаевъ своего 7 лѣтняго царствованія сдѣлалъ невыгодное исключеніе только для одонго въ 1601 г., а именно «Левонтія и Ивашку Пушкиныхъ за то, что они били челомъ на кн. Андрея Елецкова, и тѣмъ царя раскручинили»—отправилъ въ Сибирь, при чемъ «помѣстья и вотчины у нихъ велѣлъ отписать, а животы распродать» ([27]). Впрочемъ послабленіе мѣстничеству скоро принесло новый плодъ, который довелось отвѣдать самому же Борису: въ январѣ 1605 г., когда надъ Борисомъ начинала уже тяготѣть рука судьбы, царь, въ награду за разбитіе самозванца подъ Добрыничами, послалъ воеводамъ золотые,—но воевода Лѣвой руки, Вас. Морозовъ «золотово не взялъ, *для кн. Андр. Телятевсково*» и за такую дерзость былъ смѣненъ, а Замятня Сабуровъ, заступившій мѣсто Морозова, тотчасъ же ударилъ челомъ государю

([26]) Изслѣд. о мѣстн. с 146

([27]) Ист. Госуд. Рос. XI. пр. 161.

«въ отчествѣ на кн. Вас. Голицына» (28). Царствованіе Шуйскаго, лично тягавшагося нѣкогда за родовые счеты, не только не умалило мѣстнической кичливости, но, присоединивъ къ ней крѣпостное право, сдѣлало изъ прежнихъ родословныхъ людей вполнѣ организованную аристократію. Это превращеніе, конечно, не измѣняло существовавшаго на Руси мѣстническаго распорядка, но, придавая значенію самихъ аристократовъ характеръ болѣе солидный, все таки скорѣе служило въ ихъ пользу, чѣмъ въ пользу государства и даже правительства. Но такъ какъ государство и правительство, тотчасъ же послѣ смутнаго періода самозванцевъ, увидѣли въ своей главѣ государя-ребенка, то мѣстничеству, естественнымъ образомъ, готовился новый періодъ процвѣтанія,—по крайней мѣрѣ, въ теченіе начальныхъ лѣтъ новаго царствованія. Дѣйствительно, царь Михаилъ Ѳедоровичъ, въ 1613 г., первомъ своего правленія, вынужденъ былъ знаменитаго кн. Дм. Мих. Пожарскаго, считавшаго *невмѣстнымъ* для себя *сказать боярство* Салтыкову,—*выдать головою* его сопернику, а въ 1617 г.—оставить безъ всякаго наказанія и даже оправить грамотою кн. Сем. Прозоровскаго, который потому только не принялъ присланнаго ему царемъ золотаго, что въ наказѣ

(28) Тамъ же, пр. 285.

развозившему золотые, кн. Тюфякину, не нашелъ своего имени, а увидѣлъ общій заголовокъ: Князю Юрію Еншеевичу Сулешеву *съ товарищи* ([29]). Но въ 1625 г., тотъ же государь, празднуя свадьбу свою, отнесся къ мѣстничеству нѣсколько иначе: «въ первый день,—повѣствуетъ Разрядная—сидѣли за столомъ бояре: кн. Ив. Ив. Шуйскій, да кн. Дм. Тим. Трубецкой, да Кн. Ив. Вас. Голицынъ. И бояринъ кн. Ив. Вас. Голицынъ билъ челомъ государю *во отечествѣ* на бояръ, на кн. Ив. Ив. Шуйскаго, да на кн. Дм. Тим. Трубецкаго. «И государь на князь Ивана *опалу свою положилъ, да сослалъ его въ Пермь великую*» ([30]). Этотъ случай, въ связи съ часто повторявшимся распоряженіемъ *быть безъ мѣстъ*, и секретнымъ нарушеніемъ этого распоряженія единственно въ пользу того или другаго любимца, просившаго о томъ, какъ напр. кн. Сицкій «въ комнатѣ, безъ людей» ([31]), обличаютъ, по нашему мнѣнію, сильное нерасположеніе къ мѣстничеству и затаенную, глухую борьбу съ нимъ царя Михаила, хлопотавшаго въ то же время о составленіи новыхъ родословныхъ росписей, на основа-

([29]) Дворцовые разряды, изд. 1850 г., т. I, с. 275—277.

([30]) Др. Рос. Вивл. XIII, с. 140.

([31]) Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи изд. 1857 г., с. 152

ніи которыхъ, въ 1635 г. «Колтовской посланъ въ тюрьму за безчестье Львова, что де люди они честные родословные; а вы люди неродословные, а прежъ сего неродословные люди на родословныхъ не бивали челомъ» ([32]). Въ царствованіе преемника Михаилова, Алексѣя Михайловича, русская разрядно-родовая іерархія была уже приведена въ совершенно-опредѣленное состояніе, и степени этой іерархіи, по свидѣтельству Котошихина, слѣдовали одна за другою въ такомъ порядкѣ: «1) Роды, которые бываютъ въ боярѣхъ, а въ околничихъ не бываютъ ([33]); 2) роды же менши тѣхъ, которые бываютъ въ околничихъ и въ боярѣхъ ([34]); 3) роды же, которые бываютъ въ думныхъ дворянѣхъ и околничихъ, изъ честныхъ родовъ и изъ дворянъ; *и тѣ роды больши тоѣ чести не доходятъ.* Есть потомъ и иные многіе добрые и высокіе роды, только

([32]) Повседневныя Записки Царей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, изд. 1769 г., т. I, с. 112—113.

([33]) Кн. Черкасскихъ, кн. Воротынскихъ, кн. Трубецкихъ, кн. Голицыныхъ, кн. Хованскихъ, Морозовыхъ, Шереметевыхъ, кн. Одоевскихъ, кн. Пронскихъ, Шеиныхъ, Салтыковыхъ, кн. Пенкиныхъ, кн. Прозоровскихъ, кн. Буйносовыхъ, кн. Хилковыхъ, кн. Урусовыхъ.

([34]) Кн. Куракиныхъ, кн. Долгорукихъ, Бутурлиныхъ, кн. Ромодановскихъ, кн. Пожарскихъ, кн. Волконскихъ, кн. Лобановыхъ, Стрѣшневыхъ, кн. Борятинскихъ, Милославскихъ, Сукиныхъ, Пушкиныхъ, Измайловыхъ, Плещеевыхъ, Львовыхъ.

еще въ честь не пришли, *за причиною* и *за недослуженіемъ*. 4) Думные дьяки. Три или четыре, а болши четырехъ не бываетъ. 5) Спалники, которые спятъ у царя въ комнатѣ, по суточно, по перемѣнамъ человѣка по четыре; а бываютъ въ тѣхъ спалникахъ изо всѣхъ боярскихъ, и околничихъ и думныхъ людей дѣти, которыхъ царь укажетъ. 6) Столники—боярскіе-жъ, и околничихъ, и думныхъ людей, и Московскихъ дворянъ, и иныхъ чиновъ людей дѣти. 7) Стряпчіе. 8) Дворяне Московскіе. 9) Дьяки; и тѣ дьяки во дьяцы пожалованы изъ дворянъ московскихъ и изъ городовыхъ, и изъ гостей, и изъ подьячихъ. 10) Жилцы; чинъ ихъ таковъ: для походу и для всякаго дѣла, спятъ на царскомъ дворѣ, человѣкъ по сороку и болши и посылаютъ ихъ во всякія посылки, а дѣти они дворянскіе жъ, и дьячьи, и подъяческіе. И изъ того чину бываютъ въ стряпчихъ, и въ столникахъ, и въ думныхъ людѣхъ. 11) Дворяне городовые и дѣти боярскіе; 12) Да въ царскомъ же чину царевичи Сибирскіе, Касимовскіе, крещены въ христіянскую вѣру. Честію они бояръ выше, а въ думѣ ни въ какой не бываютъ и не сидятъ, потому что государства ихъ и они сами учинилися въ подданствѣ послѣ воинскаго времени, невъдавнѣ, да и не обычай тому есть;

также и опасеніе имѣютъ отъ нихъ всякое ([35])». Не смотря однако на такое отчетливое распредѣленіе степеней, мѣстничество при Алексѣѣ Михайловичѣ господствовало всюду—отъ царскихъ хоромъ, «гдѣ бояре *свойственные царю по царицѣ*, въ домѣ у царя и за столомъ не бываютъ, потому что имъ *подъ иными Боярами сидѣть стыдно*, а *выше неумѣстно* ([36]),» до приказовъ и даже гостинаго двора, въ которыхъ, съ 1649 г. тянулся десятилѣтній споръ между дьяками и гостями *о первенствѣ*, рѣшенный, однако, въ пользу дьяковъ. Самыя черты и сцены мѣстничества, повторявшіяся безпрестанно, не достигали никогда такого безобразія и неприличія, какъ въ это нарствованіе, а герои сценъ, принадлежавшіе преимущественно къ группѣ родовъ, «которые въ боярѣхъ или въ окольничихъ и боярѣхъ бываютъ», отличались упорствомъ и даже твердостію, достойными лучшей цѣли. Такъ, напримѣръ, въ 1649 г., при царской аудіенціи, назначенной голландскому послу и крымскимъ посланникамъ, приказано было Михаилу Плещееву быть въ рындахъ, вмѣстѣ съ князьями Ѳедоромъ и Алексѣемъ Одоевскими и княземъ Василіемъ Хилковымъ. Но Михаилъ Плещеевъ билъ челомъ государю въ оте-

([35]) О Россіи въ царствованія Алексѣя Михайловича, соврем, соч. Григ. Котошихина, изд. 1840 г,, с. 17—21.

([36]) Тамъ же, с. 36.

чествѣ на князя Василія Хилкова, что съ нимъ ему быть *невмѣстно*, и въ рындахъ не былъ, а вмѣсто его находился князь Даніилъ Мышецкій. Поэтому государь указалъ Михаила Плещеева за *Хилковыхъ* безчестіе бить батогами въ подклѣтѣ думному разрядному дьяку Семену Заборовскому, и велѣлъ государь Михаилу Плещееву сказать, что такіе страдники на Хилковыхъ не бивали челомъ, а бывали и лучшіе ихъ Плещеевыхъ съ ними Хилковыми. Да его же Михала Плещеева указалъ государь посадить въ казенку на *три дня*, и на третій день указалъ государь Михаила Плещеева бить въ разрядѣ *батогами, вмѣсто кнутья*, за Хилковыхъ безчестіе думному жъ разрядному дьяку Семену Заборовскому, и въ книгу разрядную велѣлъ государь записать, что Михаилъ Плещеевъ за князь Васильево безчестіе Хилкова *битъ кнутомъ и въ тюрьму посланъ* (37). Въ 1650 г., на имянины царицы Маріи Ильиничны, былъ у государя обѣденный столъ. Между приглашенными находились бояре князь Черкасскій, Василій и Борисъ Шереметевы, окольничіе Василій Бутурлинъ и князь Иванъ Ромодановскій. Считаясь въ отечествѣ, Ромодановскій билъ челомъ государю, что ему съ Бутурлинымъ быть невмѣстно, и подъ нимъ не сѣлъ, за что, по

(37) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, изд. 1830 г., т. I, № 3.

повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, посланъ *въ тюрьму* съ стрѣлецкимъ головою Зубовымъ, гдѣ и сидѣлъ *два дня.* Вслѣдъ затѣмъ былъ столъ у патріарха, и тутъ князь Иванъ Ромодановскій не сѣлъ подъ Василіемъ Бутурлинымъ. Государь велѣлъ посадить его думному дьяку Заборовскому; но Ромодановскій упалъ со скамьи, его подняли и держали за столомъ на рукахъ. Вслѣдствіе этого, государь указалъ за безчестіе Бутурлипа послать къ нему Ромодановскаго на дворъ и *выдать головою* (38). Этотъ случай замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что до - сихъ - поръ не бывало примѣра возникновенія мѣстническихъ споровъ за царскимъ обѣденнымъ столомъ. Впрочемъ, фамилія Ромодановскихъ, преимущественно между всѣми родословными людьми того времени, отличалась мѣстническимъ азартомъ, что видно изъ слѣдующаго: 1) Въ іюлѣ 1650 г., для провожанія крестовъ изъ дѣвичья монастыря къ Москвѣ, назначены были государемъ бояринъ Иванъ Салтыковъ и окольничій князь Иванъ Ромодановскій. Послѣдній билъ челомъ государю въ отечествѣ на боярина Салтыкова, и шелъ не по чину не вмѣстѣ съ бояриномъ, безчестя его. По указу государя, объявленному на постельномъ крыльцѣ думнымъ разряд-

(38) Тамъ-же, № 28.

нымъ дьякомъ Заборовскимъ, за безчестіе Салтыкова Ромодановскій посаженъ былъ *въ тюрьму на два дня* ([39]). 2) Въ 1651 г., по случаю приглашенія къ царскому обѣденному столу, въ первый день Пасхи, окольничихъ Василія Бутурлина и князя Василія Ромодановскаго, произошелъ между ними споръ о мѣстахъ. Ромодановскій билъ челомъ государю, что ему съ окольничимъ Бутурлиннымъ быть не вмѣстно, а Бутурлинъ билъ челомъ на князя Василія о безчестіи. Государь велѣлъ сказать Василію Ромодановскому, что старшій братъ его, Иванъ Ромодановскій, больше его князя Василія двумя мѣстами, а былъ выданъ головою Василію Бутурлину. Поэтому съ князя Василія Ромодановскаго велѣно было доправить Бутурлину *денежное безчестіе*, 350 рублей ([40]). 3) Въ 1652 г., назначенъ былъ у государя, для праздника Благовѣщенія, нарядный столъ, при которомъ долженствовали служить въ одинаковыхъ должностяхъ князья Григорій и Юрій Ромодановскіе, дядя и племянникъ. Дядя не оставилъ заявить государю, что такое сравненіе съ племянникомъ находитъ для себя *невмѣстнымъ*, выслушалъ царское повелѣніе отправить назначенную должность, а *послѣ де велю васъ очесть*

([39], Тамъ-же, № 41.

([40]) Тамъ-же, № 60.

старымъ родителямъ вашимъ,—и, не думая объ исполненіи высочайшей воли, тотчасъ же уѣхалъ домой, за что царь велѣлъ посадить ослушника въ желѣза ([41]). Не ограничиваясь подобными выходками, поборники мѣстничества шли далѣе: въ 1651 г. «пожаловалъ государь изъ дворянъ въ окольничіе П. П. Головина—и Головинъ билъ челомъ государю, что *въ окольничихъ въ его пору нѣтъ*, а отецъде его, Петровъ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ былъ *въ бояряхъ*». Государь немедленно послалъ челобитчика въ тюрьму, за то, что билъ челомъ *не дѣломъ*. Однако Головина освободили на другой же день «и была ему сказка, что - де государь тебя страдника пожаловалъ не по твоей страдничей мѣрѣ честью въ окольничіе, и ты-де государя прогнѣвилъ, сказалъ, что-де ваши родители въ окольничихъ не бывали» ([42]). Можно себѣ представить, какъ все это должно было надоѣдать Алексѣю Михайловичу, получавшему, въ добавокъ, не рѣдкія извѣстія о повтореніи на ратныхъ поляхъ остзейскихъ, литовскихъ и украинскихъ тѣхъ же явленій мѣстничества, безусловно вреднаго для успѣховъ ратнаго дѣла. И хотя военнослужащимъ, «которые, презрѣвъ государское повелѣніе, всчинали тогда мѣста, чинено наказанье и разореніе отъятіемъ

([41]) Повседн. Зап. II, стр. 154.
([42]) Полн. Собр. Зак. т. 1, № 61.

помѣстій ихъ и вотчинъ, но совершенно то неуспокоено для бывшихъ тогда ратныхъ дѣлъ; однако же множицею благороднымъ повелѣно быти въ полкѣхъ *безъ мѣстъ*, желая привести то всякаго добра вредительное дѣло ко искорененію» ([43]). Эти-то повелѣнія царя, издавшаго законъ 1649 г. о бытіи во всѣхъ государствахъ россійскимъ посламъ и посланникамъ между собою безъ мѣстъ ([44]), заставляютъ предполагать въ Алексѣѣ Михайловичѣ сильное желаніе—можетъ быть, даже намѣреніе—уничтожить въ Россіи офиціальное мѣстничество, на что указываетъ и Татищевъ, говоря: «Отрѣшеніе отечествъ дѣло государству весьма полезное. Царь Алексѣй Михайловичъ искоренить оное старался, ибо отъ того Пожарскаго князя Семена не малое войско пропало» ([45]).

Какъ бы то ни было, фактическое «отрѣшеніе отечествъ», или мѣстническихъ случаевъ, принадлежитъ сыну и преемнику Алексѣя Михайловича, царю Θедору Алексѣевичу, который, вступивъ на престолъ въ 1676 г., принялся сокрушать мѣстни-

---

([43]) Собраніе государственныхъ граматъ и договоровъ, изд. 1813—1828 г. IV. стр. 400.

([44]) Пол. Собр. Зак т. I, № 169.

([45]) Продолженіе Древней Россійской Вивліоθики, изд. 1786, года, т. I, стр. 200.

чество постепенно и началъ съ того, что въ 1678 году, въ видахъ предотвращенія на время войны Россіи съ Турціей родовыхъ счетовъ между воеводами, именимъ указомъ, 5 ноября, объявилъ слѣдующее: «Покамѣста турская война минется и ни кому ни съ кѣмъ нынѣшнимъ розрядомъ, нынѣ и впредь въ отечествѣ не считаться, и нынѣшняго разряду въ отеческихъ дѣлахъ въ случай никому не ставить, и ни кому ни кого тѣмъ не попрекать, и въ розрядъ отеческимъ счетнымъ дѣламъ нынѣ ни у кого ни на кого не принимать». А кто, сказано далѣе, не будетъ сему указу повиноваться, тому быть: «въ наказаньи, разореньи и въ ссылкѣ безо всякаго милосердія и пощады» ([46]). Затѣмъ, 2 ноября 1679 г. послѣдовалъ именный же указъ, съ патріаршимъ и боярскимъ приговоромъ, о ненаблюденіи расчетовъ мѣстничества по нарядамъ въ крестные ходы ([47]). Наконецъ, когда по словамъ Соборной Грамоты 1682 г. — «царю вѣдомо учинилось, что въ мимошедшихъ бранѣхъ, будучи на войнахъ съ его государевыми ратными людьми, его государевы непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлѣхъ вымыслы, которыми желали чинить поиски надъ его государевыми ратными людьми»;

([46]) Пол. Собр. Зак. т. II, № 738.
([47]) Тамъ же, № 775.

вслѣдствіе чего, 24 ноября 1681 г. была учреждена, подъ предсѣдательствомъ кн. Вас. Вас. Голицына, особая коммисія, «чтобъ для тѣхъ нововымысленныхъ непріятельскихъ хитростей учинити ему великому государю въ своихъ государскихъ ратѣхъ разсмотрѣніе и лучшее устроеніе» ([48])—мѣстничество, по-крайней-мѣрѣ офиціальное, испытало рѣшительный ударъ со стороны правительства.

Дѣло происходило такъ. Повелѣвъ кн. Голицыну совѣщаться, по предмету своего порученія, съ выборными и воинскими чинами, о мѣрахъ же, какія будутъ предложены, «докладывать себя великаго государя», царь Өедоръ скоро получилъ отъ кн. Голицына проектъ новаго распорядка воинскихъ чиновъ, съ мнѣніемъ коммисіи и выборныхъ, «чтобы въ тѣхъ чинахъ всѣ были межъ себя *безъ мѣстъ* и безъ подбора». По утвержденіи государемъ и проекта и мнѣнія, было немедленно приступлено къ составленію вновь воинскихъ списковъ, или разрядовъ, при чемъ, единственные представители многихъ именитыхъ и служилыхъ родовъ, оказались несовершеннолѣтними, т. е. не подлежавшими дѣйствительной службѣ, и, слѣдовательно — внесенію въ новые Разряды, что самое, какъ видѣли мы въ разборѣ обычаевъ мѣстничества, неизбѣжно влекло

([48]) Собр. Гос. Грам. и Дог. т. IV, стр. 39.

за собою *захуданіе* цѣлыхъ родовъ и, можетъ быть даже грозило имъ *потеркою*. На этомъ основаніи, выборные люди били челомъ кн. Голицыну съ товарищи, что «по его-де великаго государя указу, они, выборные люди и братья ихъ и дѣти и сродники написаны въ ротмистры и порутчики; а Трубецкихъ-де и Одоевскихъ и Куракиныхъ и Репниныхъ и Шеиныхъ и Троекуровыхъ и Лобановыхъ-Ростовскихъ и Ромодановскихъ и иныхъ родовъ въ тѣ чины нынѣ ни кого не написано, для того, что за малыми лѣты въ чины они не приказаны и опасно имъ того, чтобы впредь отъ тѣхъ вышеписанныхъ и отъ иныхъ родовъ, которые нынѣ въ ротмистрахъ и поручикахъ не написаны, не было имъ и роду ихъ въ томъ укоризны и попреку, и чтобы великій государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ тѣхъ всѣхъ родовъ, которые нынѣ въ ротмистры и порутчики для вышеобъявленныхъ причинъ не написаны въ которыхъ родѣхъ впредь будутъ дѣти, писати въ тѣ же чины въ ротмистры и въ порутчики въ то время, какъ они въ службу поспѣютъ и въ чины приказаны будутъ, чтобы имъ впредь отъ тѣхъ родовъ въ попрекѣ и въ укоризнѣ не быть». Съ тѣмъ вмѣстѣ выборные повторили прежнюю просьбу: «для совершенной въ его государскихъ ратныхъ и въ посольскихъ и во всякихъ дѣлѣхъ прибыли и лучшаго устроенія, указалъ бы

великій государь всѣмъ боярамъ и окольничимъ и думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быти на Москвѣ въ приказѣхъ и въ полкѣхъ и у посольскихъ и у всякихъ дѣлъ и въ городѣхъ межъ себя *безъ мѣстъ*, гдѣ кому великій государь укажетъ, и никому ни съ кѣмъ впредь розрядомъ и мѣсты не считаться, и разрядные случаи и мѣста отставити и искоренить, чтобы впредь отъ тѣхъ случаевъ въ его государевыхъ ратныхъ и во всякихъ дѣлѣхъ помѣшки не было»—и просили бояръ челобитье ихъ *донести гасударю* (49). Послѣднее было исполнено и челобитье выборныхъ доложено государю, который, видя, что бытіе безъ мѣстъ, утвержденное сначала только для войска, испрашивается теперь для всѣхъ родовъ государственной службы, рѣшилъ собрать думу изъ патріарха съ духовными властями, бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, «дабы то добраначальное дѣло имъ объявить и при помощи Божіей усовѣтовать въ какомъ опредѣленіи оному быть». 12 января 1682 г. дума собралась во дворцѣ, гдѣ, по прочтеніи кн. Голицынымъ челобитья выборныхъ, государь открылъ совѣщаніе рѣчью, обращенною къ патріарху Іоакиму, въ которой, между прочимъ, объяснялъ, что «сіе мѣстничества дѣло

---

(49) Тамъ же, стр. 397.

благословенной любви вредительно, мира и братскаго соединенія искоренительно, противу непріятелей общаго и пристойнаго усердія разорительно, паче же Всевидящему Оку немилосердно и ненавистно»; что при отцѣ его «въ которыхъ полкѣхъ были воеводы *съ мѣсты* и въ тѣхъ полкѣхъ между бояры и воеводы для *случаевъ отечества* многія быша несогласія, а ратнымъ людѣмъ тѣснота, и отъ того ихъ несогласія многій упадокъ ратнымъ людямъ учинился, а именно подъ Конотопомъ и подъ Чудовымъ и въ иныхъ многихъ мѣстѣхъ; что отецъ и дѣдъ его, предписывая во всѣхъ важныхъ случаяхъ службу *безъ мѣстъ*, постоянно желали уничтоженія мѣстничества, и что самъ онъ всегда имѣлъ въ виду то же уничтоженіе, «котораго токмо по настоящее время начати, за разными препятіи не случися». Въ заключеніе рѣчи своей, царь Ѳедоръ торжественно предложилъ патріарху Іоакиму вопросъ: «по нынѣшнему ли выборныхъ людей челобитью всѣмъ розрядамъ и чинамъ быти безъ мѣстъ, или по прежнему быти съ мѣсты»? Выслушавъ отъ патріарха, что все духовенство вполнѣ одобряетъ предположенія выборныхъ и признаетъ уничтоженіе мѣстничества необходимымъ для благоденствія государства, царь повелѣлъ свѣтскимъ членамъ думы, въ отвѣтъ на тотъ же вопросъ каждому *чистосердечно донести* мысль

свою *безъ всякаго зазора.* Бояре, окольничіе, думные и ближніе люди съ *усердіемъ* объявили, «чтобъ государь указалъ имъ во всякихъ чинѣхъ быти безъ мѣстъ и чтобы разрядные случаи отставить и совершенно искоренить, «чтобъ впредь тѣ разрядные случаи никогда не вспоминались». Послѣ такого опредѣленія всего собора духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, Өедоръ Алексѣевичъ велѣлъ боярину кн. Мих Юр. Долгорукому и дьяку Вас. Григ. Семенову немедленно принести къ себѣ «всѣ розрядныя книги, въ которыхъ писаны *бывшіе случаи съ мѣсты»* при прежнихъ государехъ, и согласно съ мнѣніемъ собора указалъ «тѣ *случаи* и *мѣста* совершенно искоренить», къ чему присовокупилъ: «а для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забытія *тѣ всѣ прошенія о случаяхъ и мѣстѣхъ записки* — но не самыя разрядныя книги, какъ думали и думаютъ многіе — изволяетъ предати огню, чтобъ та злоба и нелюбовь совершенно погибла и впредь не памятна была и соблазна и претыканія никто ни какого не имѣлъ ([50]). Соборъ отвѣтствовалъ: «да погибнетъ въ огнѣ богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и къ тому да не воспомянется во вѣки»—«и того же дни тѣ книги

([50]) Тамъ же, стр. 403.

преданы огню государскіе передніе палаты въ сѣнѣхъ», при чемъ присутствовали: со стороны государя вышеупомянутые бояринъ кн. Долгорукій и дьякъ Семеновъ, а со стороны патріарха и собора— всѣ наличные митрополиты и архіепископы, По сожженіи мѣстническихъ дѣлъ, патріархъ произнесъ собору приличное случаю поученіе о братолюбіи и пригласилъ всѣхъ и каждаго, подъ страхомъ царскаго гнѣва и тяжкаго церковнаго запрещенія, представить для преданія огню въ Разрядѣ имѣвшіяся у многихъ домашнія записки о случаяхъ и мѣстахъ, вслѣдствіе чего воздвигся новый костеръ изъ множества частныхъ разрядныхъ книгъ, умышленно веденныхъ такимъ образомъ, что съ ихъ помощію родословные люди зачастую *облыгали* официіальные разряды ([51]). Наконецъ, для передачи потомству всѣхъ обстоятельствъ торжественнаго уничтоженія мѣстничества, было тогда же составлено особое Соборное Дѣяніе, утвержденное Государемъ тако: «Божіею милостію Царь и Великій Князь Θеодоръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, во утвержденіе сего соборнаго

([51]) Дворц. Разряды, т. I, Предисловіе, с. XI.—Тамъ же на с. VIII, объяснено, что слово *книги*, употребленное въ нѣкоторыхъ листахъ Соборнаго Дѣянія, не даетъ поводъ предполагать, чтобы здѣсь подразумѣвались оффиціальные разрядные книги.

дѣянія и въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣстъ въ вѣчное искорененіе, моею рукою подписалъ». За царскою подписью слѣдовали рукоприкладства: патріарха Іоакима, 6 митрополитовъ, 2 архіепископовъ, 3 архимандритовъ, 41 боярина, 28 окольничихъ, 19 думныхъ дворянъ, 10 думныхъ дьяковъ, 23 комнатныхъ стольниковъ, 24 выборныхъ стольниковъ, 2 генераловъ, 6 полковниковъ рейтарскихъ и пѣхотныхъ, 3 стряпчихъ, 4 дворянъ и 1 жильца ([52]).

Однако, не смотря на такую торжественную обстановку оффиціальнаго уничтоженія «случаевъ съ мѣсты», мѣстничество продолжало существовать въ убѣжденіяхъ многихъ родословныхъ людей и въ апрѣлѣ 1691 г.,—т. е. почти десять лѣтъ спустя послѣ Соборнаго Дѣянія 1682 г.,—обнаружилось довольно яркимъ фактомъ. Героемъ этого факта, и вмѣстѣ послѣднимъ поборникомъ мѣстничества, былъ бояринъ Кн. Григ. Аѳан. Козловскій, который, не желая сидѣть за нарядным столомъ у патріарха *ниже* боярина Льв. Кир. Нарышкина, младшаго родомъ, отвѣчалъ дважды приходившимъ за нимъ подъячимъ—сначала двумъ, потомъ четыремъ, что за болѣзнію не можетъ явиться *въ верхъ*, къ патріаршему столу. «И послѣ того—гласитъ любо-

([52]) Собр. Гос. Грам. и Дог. т. IV. с. 396—411.

пытная выписка изъ разрядной записной книги — по ихъ вел. государей (Ивана и Петра Алексѣевичей) указу посыланъ къ нему на дворъ Розрядной Дьякъ Ив. Улановъ съ подъячимижъ, чтобъ онъ въ верхъ ѣхалъ безъ мотчанья; а буде онъ чѣмъ станетъ отговариватца и въ верхъ вскорѣ не поѣдетъ, и Дьяку Ивану велѣно, взявъ у него корету или лошадь верховую, ево въ городъ (Кремль) привезть *неволею.* И онъ бояринъ ему Ивану сказалъ, что ему за болѣзнью своею въ городъ ни которыми мѣрами ѣхать не мочно, и былъ онъ въ то время въ черномъ платьѣ; а кореты и возники съ двора ево прихоронены, и на дворѣ коретъ и лошадей не сыскано. И дьякъ Ив. Улановъ посыланъ къ нему въ другіе, чтобъ онъ по прежнему ихъ Государскому указу ѣхалъ въ городъ *безъ всякіе отговорки*; а буде не поѣдетъ, и ему Ивану велѣно ево въ городъ привезть на простой телѣгѣ. И онъ бояринъ сказалъ, что ему за болѣзнью въ городъ ѣхать не мочно. И онъ бояринъ за то ево, ихъ Государскому указу непослушаніе, съ двора взятъ, и въ городъ привезенъ къ красному крыльцу на простой телѣгѣ, и говорено ему; чтобъ онъ шолъ въ верхъ, и онъ изъ телѣги не вышелъ, и въ верхъ не пошелъ,—учинился непослушенъ жъ. И по ихъ Великихъ Государей указу посыланы съ верху къ нему Розрядные Дьяки: Иванъ Улановъ,

а послѣ того Иванъ Кобяковъ, чтобъ онъ въ верхъ шолъ, и онъ Бояринъ говорилъ, что онъ за болѣзнью въ верхъ взойтить не сможетъ. И по указу Великихъ Государей съ верху жъ сходилъ къ нему жъ думный дьякъ Вас. Григ. Семеновъ, и сказалъ ему ихъ Великихъ Государей указъ, что велѣно ему быть у Святѣйшего Патріарха у стола зъ бояриномъ со Льв. Кир. Нарышкинымъ въ товарищахъ и чтобъ онъ бояринъ черное платье съ себя сложилъ и шолъ въ верхъ, и онъ у сказки говорилъ, что-де съ Бояриномъ со Льв. Кир. въ товарищахъ быть онъ готовъ, только за болѣзнью своею въ верхъ итить и у стола быть онъ не сможетъ, и чернаго платья съ себя не сложилъ, и въ верхъ и въ патріаршу крестовую къ столу не пошолъ, и учинился ихъ Государскому указу не послушенъжъ И по указу Вел. Государей онъ Бояринъ изъ телѣги взятъ и отнесенъ въ патріаршу крестовую на килимѣ ([53]). И онъ бояринъ въ крестовой лежалъ на полу многое время, и у стола не сидѣлъ, и къ нему посыланъ Розрядный Дьякъ Перфилей Оловениковъ, и велѣно ево за столъ посадить неволею; и онъ Бояринъ за столомъ о себѣ не сидѣлъ, а держали ево Розрядные подъячіе. Итого жъ

([53]) Килимъ—гладкій полосатый коверъ. См Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря, изд, 1852.

числа Вел. Государи, Цари и Вел. Князья Іоанъ Алексѣевичъ, Петръ Алѣксѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, указали за то ево многое ихъ Государьскому указу ослушаніе честь у него, бояр тво отнять а написать за городомъ по Серпейску, и о томъ ему послѣ стола свой Вел. Государей указъ сказать» ([54]).

Стало быть, кн. Козловскій поступалъ при Петрѣ І-мъ точно такъ же, какъ поступали при Алексѣѣ Михайловичѣ всѣ родословные люди, о которыхъ Котошихинъ разказываетъ, что «они учиняются нарочнымъ дѣломъ больны, чтобъ тою примѣтною болѣзнью тоѣ невмѣстной службы избыть»; что «хотябъ Государь и казнилъ въ своей опалѣ, но все таки не пойдетъ меньше своего меньшаго тотъ, который не бывалъ самъ его меньше»; и что «Царь велитъ посадити за столъ сильно; и онъ посадити себя недаетъ.... а какъ его посадятъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ, а выбивается изъ за стола вонъ.... и кричитъ: хотя де Царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть, и спустится подъ столъ» ([55]). Но такъ какъ кн. Козловскій, имѣвшій въ 1691 г. уже боярскій санъ, былъ, по всей вѣроятности, сверстникъ героевъ, изображаемыхъ

([54]) Рус. Ист. Сборн, V. с. 343—344.

([55]) О Россіи и пр. Котошихина, с 35—36.

*

Котошихинымъ ([56]) и, подобно имъ, не могъ отрѣшиться отъ воззрѣній ихъ эпохи, то застольное мѣстничанье его въ 1691 г. не должно казаться особенно страннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, именно этотъ видъ мѣстничанья—заимствованный отъ византійскаго двора, можетъ быть, спутниками посѣщавшей Царьградъ великой Княгини Ольги ([57])—былъ укоренень на Руси раньше и глубже всѣхъ другихъ видовъ того же явленія. вслѣдствіе чего игралъ особенно важную роль въ обиходѣ русской жизни. Не даромъ же составитель одного изъ хронографовъ XVII в., описывая отравленіе знаменитаго кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго на крестинномъ пиру у Кн. Воротынскаго, не находитъ для матери Михаила, изумленной раннимъ возвращеніемъ сына домой и испуганной болѣзненнымъ искаженіемъ его лица, болѣе приличнаго восклицанія, какъ это: «чадо мое, сынъ, князь Михайло Васильевичъ, для чего рано съ честнаго пира отъѣхалъ? либо тебѣ богоданной сынъ принялъ крещеніе не въ радости, либо *въ пиру мѣсто тебѣ было не по отечеству*» ([58]) и

([56]) Въ числѣ 28 окольничихъ, подписавшихъ Соборное Дѣяніе 1682 г.; Кн Григ. Аѳан. Козловскій занимаетъ *второе* мѣсто.

([57]) Несторъ, русскія лѣтописи на древне-славянскомъ языкѣ сличенныя, переведенныя и объясненныя Авг. Шлецеромъ, перев Языкова, идз. 1819 г. т. III, с. 403.

([58]) Историческіе очерки русской народной словесности и искуства, соч. Буслаева, изд. 1861 г. т. I, с. 521.

не даромъ народная повѣсть о сестрахъ Маріи и Мареѣ, составляющая главное содержаніе муромскаго сказанія «о явленіи Унженскаго Креста», построена вся на ссорѣ м жей Маріи и Мареы за *мѣста* на обѣдѣ у тестя, повлекшей за собою невольную разлуку сестеръ—до самаго вдовства обѣихъ ([59]). Съ другой стороны, бояринъ кн. Козловскій, происходившій, какъ всѣ старинные русскіе князья, прямо отъ Рюрика, былъ родословнымъ человѣкомъ по преимуществу, и по семейной традиціи дома князей Козловскихъ, а можетъ быть и по личнымъ восноминаніямъ своимъ, принадлежалъ 1691 году гораздо менѣе, нежели тому времени, когда, напримѣръ, ростовцы и суздальцы, какъ люди *давніи*, признавались всею Россіею старше владимірцевъ, людей сравнительно новыхъ, *мизинныхъ*: ([60]) когда, въ силу преданія о древнемъ *пригородничествѣ* Москвы къ Владиміру, Владимірскій Судный Приказъ самимъ правительствомъ считался *честнѣе* Московскаго Суднаго Приказа (напр. въ 1648) г. и ради подобныхъ же историческихъ правъ,—Торговая сторона въ Новгородѣ *честнѣе* Софійской (напр. въ 1588 г.), Аможскіе ворота въ Юрьевѣ (Дерптѣ)

([59]) Тамъ же т. II, с. 245—251.

([60]) «Не разумѣша правды Божья исправити Ростовци и Сужо дальци, *давніи*, т ворящеся старѣйшіи, *новіе* же людье *мезиніи* Володимерьстіи, уразумѣвше, яшася по правду крѣпко».

честнѣе Рижскихъ ([61]), а потомство воеводъ начальствовавшихъ въ г. Михайловѣ, ниже потомства воеводъ г. Переславля-Залѣсскаго (напр. въ 1628 г.); когда, наконецъ, мѣстничество, обуявшее самые города, заставляло и женщину, безличную, безгласную русскую женщину до-петровскаго періода, притязать на мѣстническія права, примѣры чего видимъ въ родовомъ счетѣ кн. Дм. Мих. Пожарскаго съ кн. Лыковымъ, возникшемъ въ 1603 г., по поводу предпочтенія на одномъ изъ придворныхъ выходовъ жены кн. Лыкова матери кн. Пожарскаго, или въ спорѣ кн. Гагариныхъ съ Вельминовыми, за приниженіе княгинь Гагариныхъ передъ одною изъ Вельминовыхъ на свадьбѣ царевича Михайла Кайбулича въ 1628 г,

И такъ, *случай* кн. Козловскаго, *послѣдній*, за неизвѣстностью, можетъ быть, другихъ, позднѣйшихъ случаевъ, едва ли не оправдываетъ мнѣнія Татищева, что хотя царь Өедоръ мѣстничество «соборомъ, съ проклятіемъ запретилъ и книги случай-

—См. Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, изд, 1846 г, т. I, с. 160.

([61]) Такъ, кн. Долгорукій, споривші въ 1599 г. о мѣстахъ съ кн. Гвоздевымъ, доказалъ старшинство свое передъ кн. Пріимковыми, а слѣдовательно и передъ кн, Гвоздевыми, только тѣмъ, что одинъ изъ предковъ его начальствовалъ у Аможскихъ воротъ, тогда какъ одинъ изъ Пріимковыхъ, въ то же время,—у Рижскихъ. - См. Рус. Ист. Сб. II. с. 124

ные.... сжегъ, *но ничего не успѣлъ»* ([62]). Въ противномъ случаѣ,— не зачѣмъ бы было Петру I издавать, 4 Іюня 1719 г., особый указъ о томъ, чтобы присутствующіе въ коллегіяхъ *не мѣстничались* между собою ([63]); не зачѣмъ бы было 3 пунктомъ табели о рангахъ, обнародованной 22 янв. 1722 г., узаконять слѣдующее: «кто выше ранга себѣ почести требовать будетъ, *или мѣсто возьметъ выше*, за каждой случай платить штрафу за два мѣсяца жалованье; а ежели безъ жалованья служитъ, платить такой штрафъ противъ получаемаго жалованья, кто съ нимъ одного рангу и дѣйствительно жалованье получаетъ.... равный же штрафъ и тому слѣдуетъ, кто кому *ниже своего ранга мѣсто уступитъ*; сей штрафъ мужескому и женскому полу необходимо за преступленіе надлежитъ». А если послушать Болтина, утверждающаго, что «уничтоженіемъ мѣстничества уничтожено безчестное и вредное право присвоять себѣ *почести и чины безъ заслугъ и достоинствъ* и отъ того происходящія распри и ненавидѣнія между вельможъ, наносящія вредъ общественному благу и въ дѣлахъ государственныхъ неустройство, медленность, упущеніе» ([64]), то будетъ еще мудренѣе въ

([62]) Продолж. Др. Рос. Вивл. I. с. 200

([63]) Пол. Соб. Зак. т. V. № 3384.

([64]) Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, соч. тило нымъ, изд. 1788 г. т. I, с. 480.

точности опредѣлить эпоху такого спасительнаго уничтоженія.

Дѣла по мѣстничеству производились съ 1549 г *въ Московскомъ столѣ* Разряднаго Приказа. При Грозномъ, для рѣшенія этихъ дѣлъ назначались одинъ или два боярина и при нихъ дьякъ (иногда изъ Разбойной избы); къ запискѣ же *случаевъ* опредѣлялся подъячій. Впослѣдствіи, когда приговоры бояръ стали оказываться пристрастными, а самое мѣстничество усилилось, окончательное рѣшеніе мѣстническихъ споровъ было предоставлено думному разрядному дьяку,—потому собственно, что послѣдній, по происхожденію своему не раздѣляя родословныхъ притязаній, не имѣлъ ни-какой необходимости радѣть родовитѣйшимъ мѣстни камъ такъ же какъ радѣли бояре, личный интересъ которыхъ былъ болѣе или менѣе связанъ съ каждымъ подобнымъ *случаемъ*. Подъ-конецъ мѣстничества, думные разрядные дьяки были завалены дѣлами, потому что тогда споры за мѣста, не говоря уже о князьяхъ и боярахъ, вчинались людьми далеко не родословными, даже такими, которые—по выраженію думнаго дьяка Гавренева—«бывали дѣтишки боярскіе обычные, а иные ихъ родители служатъ въ боярскихъ дворахъ» ([65]).

([65]) Дворвц. Разр. II. с. 688.

Какіе же видимые слѣды оставили по себѣ нашему времени родовыя и разрядныя отношенія офиціальнаго русскаго мѣстничества? Памятникомъ родовыхъ притязаній на «отечества» служитъ относящійся къ исходу XVII в. рукописный списокъ фамилій русскаго дворянства, слывущаго столбовымъ, т. е. «*Оглавленіе первѣйшихъ родовъ въ прежнее и нынѣшнее время бывшихъ въ Рускомъ государствѣ, который родъ отъ кого происходитъ и черту ведетъ*. Столпъ 1-й: Роды князей, которые происходятъ изъ крове Рурика. Столпъ 2-й: Роды бояръ; въ немъ заключаются какъ бояре у Вел. Гос. бывшіе, такъ и дворяне природные Рускіе, *большаго, средняго и меньшаго вмененія*, и тѣ, которые чрезъ женитьбы въ честь отъ Государей возвышены фамиліи.—Столпъ 3-й: Роды выѣзжихъ королевскихъ, ханскихъ и княжескихъ персонъ, которыя въ Русь въ службу Государей Россійскихъ пріѣхали: изъ нихъ нѣкоторые вымерли, нѣкоторые отъѣхали, а нѣкоторые и нынѣ въ Россіи обрѣтаютца. Столпъ 4-й: Роды тѣхъ выѣзжихъ которые не называются князи, также и дворянъ» ([66]) Что касается правъ и привиллегій по древнему Разряду, отъ нихъ, не считая табели о рангахъ, остались развѣ только офиціальные обѣды съ губернаторами, да купеческія свадьбы съ генералами.

М. Д. Хмыровъ.

([66]) Изслѣд. о Мѣстич с. 159.

